

СТАРШЕКЛАССНИКИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЫБОРА ПРОФЕССИИ: ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕХОДА¹

*И.И. ХАРЧЕНКО, кандидат социологических наук,
Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН, Новосибирск*

Кризисные явления в школьном образовании

Образование входит в число важных сфер формирования человеческого потенциала. В России в постсоветский период, особенно после перехода на новые принципы оценивания итогов школьного обучения на основе ОГЭ и ЕГЭ (создавшие большой спрос на репетиторов и другие дополнительные образовательные услуги), стали проявляться процессы нестабильности и риски снижения качества функционирования института образования, что закономерно ведет к ухудшению качества его работы. В последние 7–8 лет эти риски все чаще становятся предметом обсуждения в научной и публицистической литературе. Ряд авторов полагает, что в современных российских образовательных реформах отсутствует системность, неясен их смысл, нечетки критерии оценивания [Донских и др., 2022; Донских, 2023; Савватеев, 2023].

Это в полной мере относится к основному звену системы образования – общеобразовательной школе, которая сегодня подвергается целому ряду кризисных явлений. Наиболее сильно проявляются кадровый кризис (остро не хватает учителей) и кризис управления (ухудшается качество внутреннего и внешнего управления, непрерывное реформирование «сверху» не согласуется с методическим обеспечением учебного процесса [Доровских, Савватеев, 2023] и т.д.).

¹ ЭКО. – 2025. – В печати. Исследование выполнено в рамках Проекта Плана НИР 5.2.1.3. (0260–2021–0001) «Актёры, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика». В сборе информации в районах Новосибирской области и городской агломерации, а также в анализе данных принимали участие: Харченко И.И. (рук. опроса), Гвоздева Г.П., Арсентьева Н.М., Дуткина С.Ю., Мальнева Е.А., Боброва В.Ю., Корнюхин Ю.Г. Благодарим наших многолетних партнеров – СОШ № 112 Советского района г. Новосибирска и ее директора В.Н. Платонова. Благодарим коллективы школ, принявших участие в социологическом обследовании.

Снизилось и качество образования в массовой школе (а именно – уровень подготовки, результаты воспитания и социализации учеников). С одной стороны, это показывают результаты международных сравнительных исследований (например, PISA), по которому российские 15-летние учащиеся отстают в основных знаниях (по математической грамотности, чтению, естественно-научной грамотности). С другой стороны, данные наших мониторинговых исследований зафиксировали заметный рост доли учеников выпускных классов, которые занимаются с репетитором, чтобы сдать государственные выпускные экзамены и поступить в выбранный вуз или колледж (с 6% в 1996 г. до 45% в 2017 г. в городской местности, и с 2% до 10% в сельской; в последней также с 27% до 60% выросла доля занимающихся дополнительно – самостоятельно или с родителями).

Среди причин этих кризисных явлений выделяются как внутренние, так и внешние факторы. Так, кадровый кризис во многом возник и сохраняется из-за низкой заработной платы учителей, «непрозрачной» системы оплаты труда и чрезмерной трудовой нагрузки. Последняя определяется не только переполненностью классов, но и необходимостью выполнять многочисленные задания, не входящие в прямые служебные обязанности учителя и не оставляющие времени на подготовку к урокам (см., например: [Константиновский и др., 2019]). Качество управления нередко страдает из-за противоречий цифровизации (до сих пор у регуляторов нет понимания, до какой степени она нужна школе).

Качество знаний современных школьников не удовлетворяет ни систему высшего и профессионального образования, ни потенциальных работодателей, ни родителей учеников, а нередко и их самих. В частности, об этом свидетельствуют результаты проведенного нами телефонного опроса родителей, которые оценивают процессы непрерывного реформирования как снижающие качество знаний школьников [Харченко и др., 2022].

Много нареканий вызывает и сама система оценки знаний. По мнению некоторых исследователей, ОГЭ и ЕГЭ исчерпали свой потенциал уравнивания шансов молодежи на поступление в престижные вузы и стали разрушать устойчивость школы как системы [Ростовская и др., 2019]. Нередко отмечается также, что «универсальная конкуренция на основе ЕГЭ вымывает из регионов наиболее подготовленную к учебе молодежь. Снижается

мотивация и возможности получения высшего образования (ценимого рынком труда) у молодежи из малоресурсных групп и усиливается ее выталкивание в сектор среднего профессионального образования» [Чердниченко, 2023].

Нельзя сказать, что власти не видят проблем и не пытаются реагировать. Так, дискуссии о плюсах и минусах ОГЭ и ЕГЭ уже переключались из плоскости общественных дебатов на уровень законодательной власти. Периодически разрабатываются новые нормативы, предпринимаются меры, призванные точно улучшить ситуацию, но проверять качество их проработки и исполнения у инициаторов часто нет времени. В условиях кадрового кризиса было принято постановление, разрешающее студентам выпускных курсов колледжей и вузов еще до получения диплома преподавать в школах на регулярной основе. Однако мера оказалась плохо проработанной и трудно исполнимой.

В целях уменьшения негативных последствий цифровизации введен запрет на использование детьми смартфонов во время школьных уроков. На ликвидацию пробелов в воспитании и социализации направлен пакет мер, предусматривающий получение учащимися реальных трудовых навыков на уроках технологии, возвращение в школьную программу патриотического воспитания и начальной военной подготовки, наполнение новым содержанием профориентации и др. Многие из этих мер не обеспечены методически и кадрово, и плохо воспринимаются детьми.

При этом благодаря национальному проекту «Образование» развивается и модернизируется школьная инфраструктура: многие школы получают современное оснащение (мебель, компьютеры, учебное оборудование и материалы, спортивный инвентарь и пр.), строятся новые здания, реконструируются старые. Население не может не заметить этих перемен. Так, по данным опроса ВЦИОМ от 20.09.2021 г., посвященного качеству школьного образования, 63% родителей, бабушек и дедушек российских школьников считают школы, где учатся их дети и внуки, современными; 46% опрошенных полагают, что использование цифровых технологий в обучении положительно влияет на его качество¹. Заметим, что

¹ Российская школа: современные вызовы. ВЦИОМ Новости. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-shkola-sovremennyye-vyzovy> (дата обращения: 22.10.2024).

такие оценки трудно увязать с противоположной точкой зрения о падающем качестве знаний. С нашей точки зрения, сам процесс цифровизации в школе противоречив – в нем есть и положительные, и отрицательные результаты.

Но кардинально это не улучшает ситуацию. Постоянно возникают новые проблемы, требующие решения, обостряются старые. Так, был признан низкокачественным или устаревшим целый ряд школьных учебников, образовательных стандартов и программ, в которых не используются научные методы, искажаются факты, либо нравственная оценка дается с антироссийских позиций (например, «учебники Сороса»). Недавно на официальном уровне была признана актуальной проблема буллинга (травли) в школах – как среди детей, так и между детьми и взрослыми. Депутаты признали требующей законодательного решения проблему защиты прав учителя. Не снимаются с повестки проблемы «оптимизации» малокомплектных сельских школ (их закрытие или объединение ради экономии бюджета) и переполненности школ в городах и новых микрорайонах.

Снижение ценности высшего образования

Одним из новых вызовов для системы образования может стать новый тренд в профессиональной ориентации подростков. Согласно мониторингу экономики образования НИУ-ВШЭ, во второй половине 2010-х годов большинство выпускников 9-х классов продолжали обучение в средней школе, чуть более 40% поступали на обучение по программам СПО. Около 70% выпускников 11-х классов выбирали высшее образование, 20% продолжали обучение в колледже и 10% выходили из системы образования. Картина была весьма стабильной в эти годы [Шугаль и др., 2022]. Однако в «пандемийном» 2020 г. планы старшеклассников школ сместились с массовой ориентации на траекторию «после 9-го класса остаться в 10–11-м классах и поступать в вуз» на траекторию «поступать в колледж после 9-го класса, а в дальнейшем или работать или пробовать поступать в вуз», и в 2021 г. такие настроения сохранились, что позволяет говорить о формировании новой тенденции [Шугаль и др., 2022].

Отметим, что по данным официальной статистики распределение молодежи по уровням образования и ранее претерпевало изменения в пользу среднего профессионального обучения (СПО).

В отдельные годы (2005, 2010, 2020, 2021) в России прием на программы СПО в государственных и негосударственных учреждениях (суммарно по подготовке специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих) приблизился, а в 2020 г. даже превысил прием на программы высшего образования (в государственных и негосударственных учреждениях).

Такое изменение предпочтений дало повод некоторым исследователям утверждать, что «вузовский диплом потерял и в реальной, и в символической ценности как для обладающего им (или стремящегося к обладанию), так и для работодателя» [Константиновский, Попова. 2020. С. 6]. Некоторые авторы обосновывают смещение траекторий разным материальным положением семей и возрастающей платностью послешкольного образования. Так, по мнению В.А. Мальцевой и А.И. Шабалина, им «удалось развенчать миф о расширении сектора СПО за счет транзитной траектории «из колледжа в вуз»... Основным триггером растущего спроса на программы СПО выступает сжатие реальных доходов домохозяйств, что вкупе со снижением доступности высшего образования «выталкивает» школьников с невысоким социально-экономическим статусом из академического трека» [Мальцева, Шабалин, 2021. С. 10]. В работе их коллег также утверждается, что «несмотря на экспансию высшего образования, доступность разных уровней третичного образования социально детерминирована, качество высшего образования становится социально обусловленной привилегией» [Малиновский, Шибанова, 2022. С. 74].

Заметим, что в нашем исследовании образовательных траекторий выпускников Новосибирской области прямого влияния фактора материальной обеспеченности семьи (измерялась по оценке самих респондентов) не выявлено. Кроме того, хотя многие профессии СПО не выглядят как «социально обусловленная привилегия», по нашему мнению, именно для выпускников школ, выбравших колледж, в настоящее время сложилась очень благоприятная ситуация на рынке труда: востребованы специалисты среднего звена и квалифицированные рабочие. Многие отрасли испытывают настоящий кадровый голод.

Люди с высшим образованием – это не только индивидуумы, которые реализовали свои амбиции, но и важная составляющая человеческого потенциала. В последние 15 лет соотношение численности студентов и учащихся на разных уровнях системы

образования изменяется не в пользу высшего звена. Численность студентов вузов сократилась в целом по РФ с 7 млн в 2005 г. до 4 млн в 2020 г. и 2021 г. (в Новосибирской области – со 171 тыс. до 97 тыс. соответственно). В этот же период можно наблюдать постепенный рост числа обучающихся на специалистов среднего звена (в РФ с 2,6 млн в 2005 г. до 2,8 млн в 2021 г.; в НСО – с 53 тыс. до 59 тыс. соответственно), тогда как подготовка квалифицированных рабочих в СПО (бывшее начальное профессиональное образование) постепенно сокращалась.

Отметим, что в 2010 г. после предшествующего многолетнего демографического провала начался рост числа обучающихся в общеобразовательных школах, так что число студентов вузов в 2020–2021 гг. сократилось не только по демографическим и социальным причинам. Одним из факторов, очевидно, стала ликвидация большого числа филиалов вузов в малых городах и райцентрах в 2010-х годах. [Регионы..., 2016; Регионы..., 2021; Регионы..., 2022].

Так, число государственных вузов и их филиалов сократилось в РФ с 2005 г. по 2017 г. почти вдвое – с 1765 до 980 ед., в Новосибирской области за этот же период – с 27 до 18 ед. Если же рассматривать только филиалы (суммарно государственных и частных вузов), в РФ их число уменьшилось в 2,5 раза – с 1629 до 651 ед., в Новосибирской области – с 18 до 5 ед. [Регионы..., 2016].

Безусловно, все это не облегчает школьникам старших классов переход к третичному образованию, а затем и на рынок труда. При этом в самих школах не прекращается поиск новых форм, помогающих подросткам в профессиональной ориентации, создаются условия для их знакомства с миром профессий, формирования образовательных траекторий.

Методология и база исследования

В отделе социальных проблем ИЭОПП СО РАН изучаются процессы изменений в разных подсистемах образования, включая школьное. Так, в одной из предыдущих публикаций автора были обнародованы некоторые результаты социологического обследования родителей учащихся старших классов Новосибирской области, проведенного в 2018–2019 гг. [Гвоздева и др., 2023. С. 137–138].

Настоящая статья в основном опирается на результаты экспедиционного исследования ИЭОПП СО РАН по теме «Система

общего образования и ее участники в условиях цифровизации и новых запросов общества», проведенного в 2022/23 уч. г. в районах Новосибирской области и г. Новосибирске. Выборка доступная. Для целей сравнения в динамике используются также результаты мониторингового исследования ориентаций школьников г. Новосибирска и Новосибирской области, проведенного по сопоставимой выборке и методологии в 1990 г., 1996 г., 2000 г., 2016/17 гг. Выборка репрезентативная.

Цели исследования: а) изучение изменений, происходящих в системе общего образования как социальном институте и как образовательной среде; б) образовательное поведение и профессиональная ориентация учащихся 9-х, 10-х и 11-х классов школ; в) влияние факторов цифровизации, новых запросов общества и рисков на социальное поведение и мотивацию учащихся.

Социологическое исследование включало сбор информации с помощью экспресс-анкеты объемом 4 стр. для старшеклассников с 9-го по 11-й класс, опросов представителей учебных заведений и управленческих структур системы образования, изучения внутренней статистики школ о распределении выпускников на дальнейшую учебу и работу. Часть экспресс-анкеты школьника была посвящена вопросам профориентации и жизненным планам (выбор профессии, дальнейшего образования, ожидаемым трудностям, др.), часть – влиянию цифровизации на результаты обучения и занятия в свободное время (в данной статье этот аспект не рассматривается). Помимо анкетирования использовался интерактивный метод социологического «расследования», по сути – коллективного обсуждения тех или иных социальных фактов (автор – д.с.н. Л.Г. Борисова).

Результаты и обсуждение

Подавляющее большинство опрошенных нами школьников настроено на продолжение обучения и получение профессии. Только 3% собирались, закончив школу, сразу начать работать. Большинство планировало либо только учиться (40%), либо совмещать работу с учебой (56%). На наш взгляд, такая массовая установка на совмещение может говорить не только о нужде в деньгах, но и о представлении в сознании подростков

профессионального обучения как чего-то, не требующего больших усилий и времени. Также она свидетельствует о желании иметь свои деньги и быть в относительной финансовой независимости.

Распределение ответов школьников относительно образовательных намерений в разрезе типов населенных пунктов представлено в таблице. Данные таблицы позволяют также оценить изменения в образовательных траекториях школьников в 2022–2023 гг. по сравнению с 2014–2015 гг.

В обычных (не имеющих статуса гимназии, лицея и др.) школах мегаполиса около 30% опрошенных 9-классников намеревались перейти в 10-й класс, 25% – поступить в колледж на специалиста среднего звена, 20% – получить рабочую профессию, еще 14% пока не определились. Среди учащихся 11-х классов намеренных поступать в вуз было большинство – 78% (практически как в 2014–2015 гг.). Меньший интерес к поступлению в вузы показывают только сельские 11-классники: 42% против 64% соответственно. Желających поступать в колледж стало больше только среди сельских 11-классников: примерно 30% собирались поступать в колледж, и примерно 10% – не определились. От 3% до 5% сообщили о намерении окончить краткосрочные курсы, учиться за рубежом, работать или не учиться дальше.

Главное отличие состоит в том, что за 10 лет заметно снизилась доля 9-классников, планирующих после завершения основного образования продолжить обучение в школе. И одновременно стало больше желающих поступить в систему СПО, включая не только категорию специалиста среднего звена, но и рабочую специальность. Данная траектория более характерна для учеников 9-х классов обычных («не статусных») школ. Примечательно, что обе эти тенденции отмечены как в городской агломерации, так и в сельской местности.

Изменения в предпочтениях 11-классников не так кардинальны. Так, в городской местности большинство после школы, как и раньше, намерено поступить в вуз. За 10 лет заметно изменились только планы сельских выпускников: меньше стало желающих поступать в вуз и больше – учиться в колледже. Остается небольшая, но заметная доля не определившихся с планами, и ожидаемо мало кто планирует сразу после школы идти работать без получения профессии (таблица).

Распределение ответов на вопрос «Куда собираетесь поступать учиться после завершения основного и среднего образования?» у школьников Новосибирской области в 2014–2015 гг. и 2022–2023 гг., % к ответившим

Планируемое направление	2014–2015				2022–2023			
	Новосибирск		Малый город, раб. поселок	Село	Новосибирск		Малый город, рабочий поселок	Село
	все школы выборки*	в т.ч. обычные СОШ**			все школы выборки*	в т.ч. обычные СОШ**		
	2	3	4	5	6	7	8	9
1) В 10-й класс	72	74	46	42	51	35	42	18
2) В колледж учиться на специалиста среднего звена	5	6	26	20	17	26	22	29
3) В колледж учиться на рабочую профессию	5	9	5	5	16	22	17	26
4) Ускоренное обучение на рабочую профессию – программа СПО «профессионалитет»	-	-	-	-	0	0	1	2
5) На профессиональные курсы	0	0	1	1	0,4	0,7	0,4	0
6) Учиться в вечерней школе или другое	0	0	0,3	3	4	3	0,4	3
7) Учиться за рубежом	0	0	1	0	1	0	0,8	0
8) Еще не знаю	18	11	22	25	10	14	17	23
9) Работать (и не учиться)	5	2	4	10	2	1,4	3	5

Ответы учащихся 9-х классов

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ответы учащихся 10-х и 11-х классов								
1) В вуз (университет, институт)	83	81	72	64	82	78	70	42
2) В колледж учиться на специалиста среднего звена	2	2	7	8	2	4	9	20
3) В колледж учиться на рабочую профессию	0	0	3	2	1	1,4	8	10
4) Ускоренное обучение на рабочую профессию – программа СПО «профессионалитет»	-	-	-	-	0	0	0	2
5) На профессиональные курсы	0,4	1	0,3	0	2	1,4	1	2
6) Учиться за рубежом	2	3	1	0	2	4	0,5	0
7) Еще не знаю	13	13	16	27	10	10	11	15
8) Другое (армия и пр.)	-	-	-	-	1,2	2	1	10
9) Работать (и не учиться)	1	1	2	2	2	3	2	5

Примечание: * Новосибирск – подвыборка без СУНЦ НГУ; ** СОШ – средняя общеобразовательная школа (без статуса лицея, гимназии, специализированного образовательного центра и др.)

Полученные социологические данные в совокупности с предоставленной администрациями школ статистикой о фактическом распределении выпускников на дальнейшую учебу и работу показывают, что для городской и сельской молодежи в целом доступны разные образовательные траектории, позволяющие получить профессию, используя личностный потенциал и внешние обстоятельства и ресурсы. У них нет жесткой необходимости выходить на рынок труда до завершения профессионального образования.

Новый результат, полученный в исследовании 2023 г. – структура мотивации подростков на уход из школы в колледж после окончания 9-го класса. Распределение ответов девятиклассников, не собирающихся продолжать образование в 10-м классе, о причинах такого решения представлены на рисунке.

Распределение ответов на дополнительный вопрос для 9-классников Новосибирской области, не планирующих поступать в 10-й класс: «Почему ты собираешься уйти после 9-го класса в систему СПО (колледж, техникум)?» в 2023 г., % к ответившим

Примечание: Допускалось несколько вариантов ответа.

Вполне ожидаемо, что главные мотивы связаны с получением профессионального образования и профессии. Важны и материальные соображения: 20% полагают, что в колледже, в отличие

от школы, уже можно подрабатывать, 10% надеются на стипендию и другие выплаты. Значительный интерес представляет группа мотивов избегания трудностей или ориентация на более легкие способы получить желаемый результат: сюда относятся нежелание сдавать ЕГЭ в школе (около 20%), учить трудные предметы, которые проходят в 10–11-х классах; поступить в вуз без сдачи ЕГЭ после учебы в колледже нацелены 10%. Фактически это не столько самая желаемая траектория, сколько выбор более легкого (более надежного, по силам) пути – возможности получить сразу и среднее образование, и профессию. Дополнительно проведенные фокус-группы («социологические расследования») среди сельских школьников выявили значительное количество подростков с низкой мотивацией на получение знаний, овладение сложными предметами; многие из них стремятся использовать возможности экономить свои усилия на учебе.

Препятствием на пути третичного образования может стать необходимость платить за него, поскольку бюджетных мест на всех желающих уже не хватает (более 40% мест в колледжах и более 60% в вузах – платные). Из опрошенных нами учеников только 17% сообщили, что в их семьях этот вопрос совсем не рассматривается. Еще 19% респондентов пока его не обсуждали с родными. Но большинство смиряются с необходимостью платить за учебу: для 19% это основной вариант, для 45% – возможный (на крайний случай).

Кроме того, более 80% учеников считают, что подготовиться к успешной сдаче ОГЭ и особенно ЕГЭ стало практически невозможно, если заниматься только в рамках обязательной школьной программы. Так поступают всего 19% опрошенных (в том числе 16% городских и 22% сельских подростков). Остальные занимаются дополнительно: самостоятельно, с родителями, на различных курсах, с репетитором и др. Довольно дорогой вариант индивидуальных занятий с репетитором практикуют 26% респондентов (от 11% сельских учеников 9-х классов до 40% городских учеников 10-х и 11-х классов).

Несмотря на такие трансформации образовательных траекторий, большинство старшеклассников не исключают из своей системы ценностей высшее образование. Так, для 24% получить его после школы или когда-то в будущем «очень важно», для 43% – «скорее важно».

При этом мы не обнаружили в сознании школьников барьеры, мешающие им стать интеллектуально развитыми. Картина представляется довольно оптимистическая. По мнению подростков, в российском обществе больше всего влияют на возможности интеллектуального развития: способности ребенка и его стремление учиться (70%), а также усилия семьи (47%) и системы образования (55%). Только для 20% важный фактор – материальная обеспеченность семьи.

Мотивация продолжать образование после окончания основной или полной средней школы связана со следующими установками: получением высокой зарплаты/дохода (60% опрошенных подростков); получением профессии/специальности (57%); развитием способностей и самореализацией (43%); желанием добиться успеха, сделать карьеру (54%). Можно охарактеризовать такие установки как высокие личностные амбиции. Тем более что заметно реже высказываются такие мотивы как «стать полезным обществу» (18% опрошенных), а также собственно образовательный мотив, важный для качества дальнейшего обучения – «глубоко изучать предметы, получить знания» (16%).

При этом наиболее трудные для достижения жизненные цели подростки видят в получении высшего образования, поиске подходящей работы и создании собственного бизнеса. Немногим легче представляется им получение желаемой профессии, причем для селян это труднее, чем для горожан (31% против 24%). А создание собственной семьи, самореализация и достижение материальной обеспеченности видятся подросткам не такими трудными. Только каждому десятому представляется трудным стать полезным обществу. И совсем не ожидают никаких трудностей 14% опрошенных подростков (22% в большом городе и 7% – в селе).

Представляется важным как подростки выстраивают иерархию факторов, влияющих на их выбор будущей профессии. На первых позициях в ней вовсе не те, которые связаны со школой, хотя они тоже присутствуют среди ответов. Здесь более важны школьные предметы (16%), чем уроки профориентации и консультации учителей и психологов (от 3% до 5%). Гораздо более значимы для молодежи жизненные наблюдения (37%), влияние семьи (29%), влияние СМИ, ТВ и Интернета (29%), собственный трудовой опыт (17%), а также личное «независимое» решение (27%).

И тем не менее, 46% старшеклассников (в том числе 50% среди селян) ответили, что пока не выбрали никакую профессию (специальность), которую хотели бы получить. Подчеркнем, что этот показатель вырос по сравнению с 1990 г. (25%) и варьирует на уровне 50% на протяжении нескольких этапов проведенных нами исследований, начиная с 2000-х годов. Однако за этот период приоритеты в выборе профессии у школьников изменились.

Так, можно отметить явный переход массовых предпочтений от профессий рыночной инфраструктуры (экономист, юрист, маркетолог, финансист, менеджер и пр.) к профессиям IT-сферы и медицины. По разным основаниям подростки стали также больше интересоваться профессиями психолога, дизайнера/архитектора, учителя/тренера, подготовкой для силовых структур, некоторыми инженерными и техническими профессиями, специальностями гуманитарной сферы и др. Впрочем, и популярные ранее профессии юриста, экономиста, менеджера не ушли «из поля зрения» подростков. Однако поворота ко многим востребованным специальностям инновационной экономики, науки, промышленности пока не происходит.

Важным показателем того, как школа связана с социумом, служат миграционные настроения выпускников. Каждый второй старшеклассник из муниципального района не планирует возвращаться на малую родину после получения профессионального или высшего образования. При этом каждый пятый выражает готовность вернуться домой, получив профессию. Среди городских школьников более половины не намерены уезжать даже на период учебы. Однако каждый десятый городской школьник из нацеленных на отъезд – это потенциальный мигрант за рубеж. Представляется, что в региональной социальной политике важно учитывать такие особенности миграционных намерений молодежи.

Выводы

Проведенное комплексное обследование молодежи Новосибирской области, осуществляющей транзит из школы через третичное образование и далее, выходящей на рынок труда, позволяет сделать вывод о имеющихся рисках снижения человеческого потенциала региона. Риски связаны с продолжающимся

действием такого фактора как отложенный выбор (по сути, дезориентация) молодежи при выборе будущей профессии и соответствующей образовательной траектории.

Зафиксирован тренд на изменение профессиональных ориентаций школьников в пользу выбора СПО после 9-го класса, что вполне отвечает запросам рынка труда. Однако тревожит, что мотивы такого выбора у учеников 9-х классов в значительной степени связаны с избеганием трудностей, нежеланием учиться сложным предметам и готовиться к ЕГЭ.

Помимо особенностей образовательного поведения учащихся риски связаны с кризисными процессами в системе общего образования: кадровым, управленческим, а также падением качества подготовки и социализации выпускников и пр. Представляется, что решать эти проблемы необходимо в комплексе. В этом смысле профессиональная ориентация выпускников школ является важной проблемой как для самих учащихся, так и для субъектов образовательной и социальной политики.

Библиографический список

Гвоздева Г.П., Арсентьева Н.М., Харченко И.И. Риски снижения человеческого потенциала сибирских регионов // ЭКО. – 2023. – № 5. – С. 129–150. – DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2023–5–129–150.

Донских О.А. Нашему образованию нужен косметический ремонт или полная реконструкция? // ЭКО. – № 5. – 2023. – С. 33–53. – DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2023–5–33–53

Донских О.А., Логунова Л.Ю., Клисторин В.И. и др. Современное российское образование: вызовы и ответы. – Новосибирск: НГУЭУ, 2022. – 274 с.

Доровских Е.М., Саватеев А.В. Есть ли перспективы у новой реформы образования? // ЭКО. – № 5. – 2023. – С. 20–32. – DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2023–5–20–32.

Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Среднее vs высшее // Мир России. – 2020. – Т. 29, № 2. – С. 6–26. – DOI: 10.17323/1811–038X–2020–29–2–6–26.

Константиновский Д.Л., Пинская М.А., Звягинцев Р.С. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // Социологические исследования. – 2019. – № 5. – С. 14–25. – DOI: 10.31857/S013216250004949–6.

Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 78 с.

Мальцева В.А., Шабалин А.И. Не-обходной манёвр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. – 2021. – № 2. – С. 10–42. – DOI <https://doi.org/10.17323/1814–9S4S–2021–2–10–42>.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. Стат. сборник. – М.: Росстат, 2016. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm (дата обращения: 22.10.2024).

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021. Стат. сборник. – М.: Росстат, 2021. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 22.10.2024).

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Стат. сборник. – М.: Росстат, 2022. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 22.10.2024).

Ростовская Т.К., Попова И.В., Кучмаева О.В. Влияние единого государственного экзамена на состояние образовательного потенциала молодежи // Человеческий капитал. – 2019. – № 4 (124). – С. 64–75. – DOI: 10.25629/НС.2019.04.08.

Савватеев А.В. Манифест спасения массовой школы в России. // ЭКО. – № 5. – 2023. – С. 8–19. – DOI: 10.30680/есо0131–7652–2023–5–8–19.

Харченко И.И., Дуткина С.Ю., Мальнева Е.А. Отношение родителей к школе, к реформам в системе образования и каким они видят будущее своих детей / Образование, социальная мобильность, человеческое развитие: материалы Всерос. научно-практ. конф., посвящ. 90-летию юбилею проф. Л.Г. Борисовой (27–28 ноября 2021 г.). – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. – С. 182–199.

Чередищенко Г.А. Эпоха ЕГЭ и реформ в образовании (взгляд социолога) // Уровень жизни населения регионов России. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 407–420. – DOI: 10.52180/1999–9836_2023_19_3_8_407_420.

Шугаль Н.Б., Сутырина А.Т., Озерова О.К. Образовательные стратегии обучающихся: изменения за 20 лет. – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 64 с. – (Мониторинг экономики образования: информационный бюллетень № 19 (36)).